

мени (различных семантических типов), образа действия, со значением инструмента.

Обсуждаются также разновидности агентивного дополнения (локативное, каузативное, собственное агенс, условия употребления которых тщательно эксплицируются) и дополнения с семантикой адресата (аффицированного и заинтересованного).

В заключительной (6-й) главе описываются результативные конструкции, относимые ко вторичным в современном немецком языке. Здесь речь идет о конструкциях, которые трактуются как производные, т.е. о таких образованиях, которые возникли вследствие замены в одном случае глагола *sein*, а во втором — глагола *haben* другими глаголами. Пожалуй, можно согласиться с авторами книги, что используемое ими широкое понимание результата позволяет рас-

сматривать и такие конструкции вместе с собственными результативными.

В заключение нельзя не подчеркнуть, что рецензируемая книга, представляет собой результат кропотливого и объективного анализа весьма обширного языкового материала под нетривиальным углом зрения. Авторы практически ничего не постулируют. Они, напротив, на убедительных примерах показывают, в каких контекстуальных и ситуативных условиях в современном немецком языке используются конструкции, относимые ими к результативным. Книгу можно оценить как весьма надежный источник сведений о результативных конструкциях современного немецкого языка.

Абрамов Б.А.

Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков: Основа, 1990. 300 с.

Рецензируемая монография посвящена теме, в последнее время ставшей актуальной не только для общего языкознания и философской логики, но и для разработки систем искусственного интеллекта и экспертных систем. Эта тема обладает как минимум тремя «измерениями»: 1) именование и предмет именованного во внутреннем мире носителя языка, 2) функция именованного в рамках высказывания, 3) развитие и верификация общелингвистической теории, в особенности теории интерпретации речи. Естественно, что от второго «измерения» пролегает прямой путь к третьему.

В книге из множества возможных аспектов (некоторые из них осязаны многовековой традицией) выбран один из наиболее актуальных на сегодняшний день. В наши дни становится все более очевидным, что в теории языка нет смысла абстрагироваться от связей между языковыми сущностями и тем, как человек концептуализирует свои знания о языке. Эти очень тонкие связи, возможно (и это — одна из важных гипотез в современной лингвистике), проявляют саму сущность языка.

Автор рассматривает предложенную Ю.С. Степановым классификацию свойств имени через призму трех «парадигм» философии языка. Напомним, что по теории Ю.С. Степанова история гуманитарного знания в Европе распадается на некоторые периоды, или парадигмы, определяемые отношением (не всегда явным) исследователей к языку. Главных парадигм в этом смысле три: 1) «философия имени», в которой все основные проблемы познания рассматриваются через призму имени и «именования»; 2) сменяющая ее «философия предиката», связанная прежде всего со становлением английского эмпиризма, в которой отправной точкой является понятие «события», а в языке, соответственно, понятие предиката; и, наконец, 3) «философия эгоцентрических слов», или

индексальных выражений, в которой происходит релятивация логических и логико-языковых систем относительно говорящего (системы позднего Карнапа, различные новые логики — модальная, «логика действия» и т.п.) [1, 2].

Д.И. Руденко справедливо считает, что исследование соответствующих базовых проблем (имени, предиката, эгоцентрических слов) не заканчивается в рамках соответствующей парадигмы, а продолжается и в других парадигмах, но уже на иных основаниях, часто как бы в подчиненном (по отношению к главной категории) виде. Однако автор полагает, что имя остается базовой категорией при всех подходах к языку, при любой лингвофилософской проблематике. Как именно рассматривается категория имени в разных парадигмах (например, как понимается имя, если центральной проблемой оказывается не именование, а индексация — в парадигме «эгоцентрических слов») — это и составляет основной предмет исследования в данной книге.

Ключевым для понимания данного исследования является постулат о связи между семантикой «именности» и семантикой категории «количества». Это положение выражено автором в следующей гипотезе: «Имя в наибольшей мере, сравнительно с другими основными семантическими категориями естественного языка, ориентировано на выражение количественных значений» (с. 4). Автор имеет в виду не только конкретно-языковой, но и универсально-понятийный аспект количественности, как она реализуется в сфере имени. Имя характеризуется как «понятийная категория, находящая формальное выражение в языке, т.е. категория понятийно-языковая» (с. 11). Еще конкретнее формулируется исходная гипотеза на с. 23: «Семантика количества является таким параметром имени, который охватывает почти все его семантические типы, более того —

прежде всего и является основанием для их выделения». Сама же категория количества связывается с «...членением континуума действительности на те или иные единицы» (с. 26).

Книга состоит из пространного Введения (местами перегруженного деталями), двух крупных разделов со своими подразделениями на главы, Заключение и раздела «Addendum: К рефлексии над некоторыми базисными понятиями исследования».

В разделе первом речь идет об имени в парадигме «философии имени». В первой главе демонстрируется неоднородность сферы «предметов». Различные концепции имени в рамках названной парадигмы ориентированы на разные прототипы предметности, — так я проинтерпретировал бы весьма развернутую экспозицию в этой части книги. «Материальная предметность» — главный прототип этой общей категории: автор постоянно подчеркивает свою принадлежность к сторонникам материалистической диалектики. Важным с его точки зрения является следующее положение: «Так же как в понятии "вещи" имплицитно отражен многокачественный, процессуальный характер ее бытия, взаимосвязь и взаимодействие с другими вещами, так и в понятиях "имени", "существительного", в том числе "предметности" существительного, скрыты заключены различные синтаксические характеристики имени, шире — его связи с другими семантическими категориями системы языка» (с. 49). При этом симпатии автора на стороне парадигмы «философии имени» (а не философии предикатов или философии эгоцентрических слов), несмотря на то, что «чисто (или даже преимущественно) "именная" (как и чисто "предикатная" или "прагматическая") трактовка языка имеет свои (обычно вполне очевидные) недостатки» (с. 56). По мнению Д.И. Руденко, если отказаться от «именного» подхода к языку, признать его радикальную гносеологическую недостаточность (во всяком случае, по сравнению с другими парадигмами), то придется отказаться от анализа самого имени, исключить имя из сферы исследования. А это нежелательно. Более того: и именная «философия языка», и именная «поэтика» проистекают из «...объективных свойств имени как онтологической категории, категории естественного языка» (с. 56). Это неявное объяснение в любви к философии имени и выражает символ веры автора, стремящегося, впрочем, быть справедливым и по отношению к другим парадигмам, менее им любимым.

Во второй главе рассмотрено общее имя в системе языка. Здесь выдвигается гипотеза, что «общность имени естественного языка проявляется прежде всего в его отнесенности к объектам исчисляемым, способным, в языковом представлении, образовывать множества» (с. 69). Делается попытка показать, что «...общие имена, трактуемые как свободно исчисляемые существительные, могут быть отождествлены с именами конкретными — при понимании конкретного как целостного, отдельного» (с. 93). Общий вывод состоит в следующем: «исчисляемые ("общие", "конкретные") имена представляют собой центральную для системы имени категорию, наиболее отчет-

ливо эксплицирующую семантические свойства имени как такового» (с. 130). Иначе говоря, если выражаться в терминах широко распространенной сегодня «теории прототипов», общие имена наиболее близки к универсальному прототипу имени.

Во втором разделе имя рассматривается в рамках двух парадигм философии языка: философии предиката и философии эгоцентрических слов. В первой главе исследуются абстрактные имена, которые «представляют обозначаемые ими явления действительности в качестве своего рода самостоятельных предметов» (с. 132). Эти имена позволяют «трансформировать предложение в именную группу и поставить ее в позицию термина при предикате более высокого уровня» (с. 133).

Во второй главе рассмотрены собирательные имена и категории собирательности. Ставится центральный вопрос в этой связи: «почему множества людей, животных, растений или вещей, называемые словами "студенчество", "зверье" и подобными, представляются языком так, как если бы они не имели отдельных эдементов?» (с. 149). Ответ автор видит — и не без оснований — в том, что язык «... как бы опровергает сам себя — для того, чтобы "оттенить", усилить существенность некоторого свойства, присущего множеству объектов, выразить оценку того или иного типа» (с. 164). Итак, оценка плюс неисчисляемость образуют ядро категории собирательности. В этом отличие собирательных имен от общих имен, по мнению автора, лишенных оценочности. Причем отрицательную оценку передают главным образом существительные, являющиеся номинациями людей и животных в силу высокой степени индивидуальности соответствующих классов. Заслуживает внимания следующее положение: «собирательные имена как оценочная категория могут быть представлены главным образом (скорее даже исключительно) в языках, в которых хорошо развито грамматическое противопоставление единичности/множественности и в сфере категории числа входит значение неисчисляемости» (с. 189).

В третьей главе «контекстуальная неисчисляемость имени» трактуется главным образом в рамках «философии предиката». Этот класс употреблений, по мнению Д.И. Руденко, нивелирует ориентацию на выражение числовых (т.е. собственно именных, денотативных) значений, что приводит к появлению «признаковой семантики» (в частности, оценочной) у общего имени, приобретающего потому предикатные и даже прагматические черты.

Наконец, в четвертой главе дается характеристика собственных имен в парадигмах философии имени и философии эгоцентрических слов. Кооперация двух парадигм обусловлена сложностью коммуникативных функций у имен этого разряда.

В Заключении суммируются черты выделенных классов имени в отношении ко всем трем парадигмам философии языка, подводятся итоги исследования. В «Addendum» даются пояснения по поводу понятия «парадигма».

В целом книга производит очень хорошее впечатление. Именование здесь исследуется не только как проблема языка-объекта, но и как метаязыковая проблема, имеющая непосредственное от-

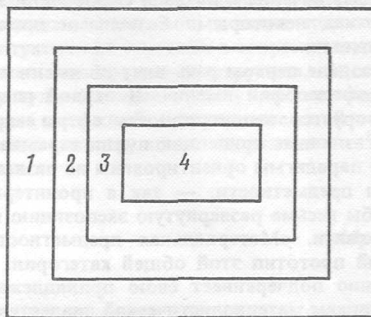
ношение к выбору точки зрения на сущность науки.

Вместе с тем позволю себе сделать несколько критических замечаний.

1. Вряд ли можно полностью согласиться с высказыванием на с. 217: «Очевидно, что исследование проблемы отношения имен различных типов к различным парадигмам "философии имени" будет неполным без включения в анализ категории собственных, или единичных, имен. Интуитивно достаточно очевидно, однако, и то, что семантика данного языкового класса основывается на таких естественных языковых процессах номинации, концептуализации, семантического отражения действительности, которые существенным образом отличны от одноименных, зачастую представляющих идентичными процессов, протекающих в сфере имен других типов...». Я тоже считаю, что имена собственные проанализировать следует. Но мне не кажется очевидным положение о том, что указанные процессы — номинации, концептуализации и т.д. — для собственных имен существенно отличны от этих процессов для остальных имен. Используя логику автора, примененную в другом месте, я бы сказал: если бы это были совсем другие процессы, то и вопроса не возникало бы о соотношении «сингулярных термов» с иными разнородностями именования. Вряд ли автор считает так: по его мнению, имя собственное — это одна сущность, а остальные имена — другая, но ошибочно изначально окрещенная неадекватно. Мне кажется, столь обширная литература, посвященная данной проблеме (начиная со средневековья и вплоть до нашего времени), свидетельствует скорее о большой проблематичности в описании указанных процессов: речь идет о выделении таких параметров (у собственного имени как такового, на фоне имени вообще), которые направляют все эти процессы (в том числе и процессы употребления и интерпретирования) столь непрототипичным для имени образом. Например, Дж. Беркли указывал: «Если мне говорит, например, схоластик: "Аристотель сказал", то все, что по моему мнению, он намеревался сделать, состоит в том, чтобы склонить меня принять его мнение с тем почтением и покорностью, какие привычка связывает с именем Аристотеля» [3, с. 167]. Автор рецензируемой книги, возможно, считает, что здесь именование «Аристотель» качественно отлично от иных случаев. Но столь же оправданно говорить и о суперпозиции обычных номинации, концептуализации и т.п. на некоторые действительно неповторимые параметры имени собственного. Итак, мое контрутверждение: процедуры именования, концептуализации и т.п. для имени — в силу универсальных свойств имени — одни и те же; но различны параметры обрабатываемого объекта, регулирующие эти процессы. Жаль, что автор прошел мимо такой возможности разграничения процедур и параметров.

Продолжая это замечание, напомним: Э. Гуссерль — в отличие от Дж. С. Милля — полагал, что собственное имя — разновидность выражения, а потому обладает значением [4]; тот же взгляд и у Е. Куриловича [5]. А. Гардинер [6] отмечал сходство имени собственного с осталь-

ными словами в том, что все они употребляются не ровно один раз, не окказионально, а с повторениями. Например, типичные имена у людей, кошек, собак и т.д. Вслед за Ф. Акинназо [7, с. 7] я бы выделил такую «матрешечную» структуру у собственных имен:

Здесь 1 — «прозрачное значение», 2 — отношения, вызываемые актом употребления имени в речи, 3 — символические структуры, 4 — «домашний контекст», т.е. социальные, экономические, политические, религиозные и иные обстоятельства, приведшие к данному способу назвать данного человека или данную местность. В одних культурах такая суперпозиция дана прозрачной синтаксической структурой имени, в других такого четкого соотношения нет. Итак, мое возражение: история вопроса демонстрирует по меньшей мере неочевидность указанного положения автора.

2. На с. 26 говорится: «Таким образом, даже поверхностное рассмотрение категории количества показывает, что она тесно связана с членением континуума действительности на те или иные единицы». Я бы добавил: и с членением континуума вымысла (fiction), фиктивности, и главным образом, именно фиктивности, поскольку язык дает возможность нам говорить не только о том, что есть, но и о том, что могло бы быть, что было, что будет и что, возможно, где-то существует. Или о том, что возможно, но так и не было и не будет реализовано, т.е. о множестве нереализованных «возможных миров». Вообще мне кажется, с «эпистемологической» точки зрения должно вызывать подозрение любое прямое соотношение «действительности» с речью о «действительности». Проблемами действительности занимаются науки о природе (да и там, как оказывается, много фикции). Гуманитарные же науки — исследование человеческой духовности со всею ее субъективностью.

3. Вся работа времени напоминает развернутое досье по тем или иным ключевым понятиям — классам имен. Богатство приводимых точек зрения, вероятно, и привело к тому, что автор порой теряется в своей попытке до конца упорядочить эту информацию. Не всегда помогают ему в этом и такие «связывающие элементы», как выражения типа: «с другой стороны», «характерно, что», «заметим также», «важно отметить», «отметим также». Они изобилуют. Это средства получить связанный текст, но, несколько злоупотребляя ими, автор не всегда добивается

связности рассуждения; во всяком случае, связность мыслей автора ускользает от читателя со средними ресурсами памяти и внимания.

4. Из поля внимания автора почему-то ускользнули такие исследования в данной области, как работы Дж. Беркли, Э. Гуссерля, А. Гардинера, А. Черча, М. Крессуэлла, Дж. Лакоффа [8], Дж. Лайонза (особенно [9]) и даже Э. Бенвениста [10]. Во всяком случае, в библиографии к книге работ этих авторов я не нашел, а в тексте Гуссерль упоминается только по пересказу. При оперировании методом семиологической грамматики следовало бы учесть точки зрения указанных ученых.

Сказанное не снижает общего благоприятного впечатления от всей работы. Перед нами очень интересное, во многом новаторское исследование. Книга Д.И. Руденко доказывает (более того, существенно обогащает) положение, высказанное еще Б. Расселлом: познавая, как устроен язык, мы можем познать многое существенное о том, как устроен мир. Особый, личный вклад Д.И. Руденко можно было бы, на наш взгляд, охарактеризовать следующим образом: познавая, как лингвисты (а также философы, психологи и т.д.) меняли свои взгляды на язык — свои «парадигмы» (в частности, взгляды на «имя»), — мы можем познать многое относительно того, как устроены сам язык, наука о нем и мир вокруг него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постовалова В.И., Шрейдер Ю.А. ВЯ. 1988. Рец. на кн.: Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства.
2. Степанов Ю.С., Демьянков В.З. Философия языка // Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 345—347.
3. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия // Беркли Дж. Соч. М., 1978.
4. Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd 2. Tl. 1: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. 2. Aufl. Halle/Saale, 1913. S. 59.
5. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 251—266.
6. Gardiner A. The theory of speech and language. Oxford, 1932.
7. Akinmaso F.N. On the syntax and semantics of nominal compounds in Yoruba personal names // Proc. of the Seventh Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1981.
8. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization: Proc. of a Symposium on categorization and noun classification. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
9. Lyons J. Semantics. V. 1—2. Cambridge, 1977.
10. Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Демьянков В.З.

Ehret Ch. Origin of the third consonants in Semitic roots: an internal reconstruction (applied to Arabic) // Journal of Afroasiatic languages. 1989. V. 2. № 2. August. 95 p.

Кристофер Эрет — профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, известный специалист по купитским языкам, компаративист (см. его работы [1, 2]).

В рассматриваемой работе К. Эрет обращается к одной из старейших проблем семитского исторического языкознания — к проблеме происхождения трехгласного семитского корня. Особенности строя семитских языков привлекают самое пристальное внимание специалистов по общему языкознанию, по структурной типологии языка. Несомненно, что появление новой работы под таким заглавием не может быть оставлено без внимания.

Уже около тысячи лет назад появились известные нам наблюдения арабских филологов, которые обнаружили, что в ряде трехгласных (и четырехгласных) корней выделяется общая двухгласная «ячейка» с единым значением. В

группе трехгласных корней это значение модифицируется за счет третьего согласного (или — за счет редупликации ячейки, дающей четырехгласный корень). На базе одной двухгласной ячейки подбирались гнездо трех- (и более) согласных корней общей семантики (см., например [3, с. 42; 4]).

В дальнейшем, с развитием сравнительно-исторического изучения семитских языков эти наблюдения послужили основой для выработки ряда гипотез о путях формирования семитского корня. Необходимо прежде всего упомянуть фундаментальный труд Н.В. Юшманова «Структура семитского корня», законченный в начале 40-х годов, который в настоящее время готовится к печати, см. также [5, 6]. Позднее разрабатывается гипотеза формирования структуры корня в афразийских языках. Последняя предполагает несколько путей развития общеафразийских корней: на двух-